

Рорти Р. Историография философии: четыре жанра/Пер. с англ., вступ. ст, комментарии И.Джохадзе. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. – 176 с.

Книга делится на три почти равные группы: вступительную статью И.Д.Джохадзе (с. 4 – 48), текст Рорти (с. 49 - 109) и комментарии, принадлежащие Джохадзе (с. 110 – 157) и обширную библиографию (158 – 174). В принципе именно так и должна «строиться» хорошая переводная книга, где исследователь-автор перевода выражает свое отношение и к прочитанному и к той литературе, на основании которой написан оригинальный текст.

Жанры философской историографии, представленные Рорти, это рациональная и историческая реконструкция, *Geistesgeschichte* как способ образования канона, доксография и интеллектуальная история.

Характеризуя первые два жанра (рациональную и историческую реконструкцию), Рорти перечисляет трудности, стоящие перед аналитическими философами, которые занимаются реконструкцией учений мыслителей прошлого. Одна из таких трудностей состоит, как утверждают критики, заключается в том, что при этом искажается «смысл исследуемого текста», который подгоняется «под проблематику философских дебатов в современных журналах». Критики подобной позиции считают недопустимым втягивание Аристотеля или Канта «в орбиту ныне ведомых споров по философии языка или метаэтики» (с. 49). Позиция Рорти такова: стоит различать научные данные, представленные в таких учениях и собственно философскую мысль. Если с первой надо обходиться так, как обходится любой ученый с устаревшими данными, то со второй – как с мыслями коллег с иными философскими воззрениями, не забывая, что целесообразны (он пишет: *«также возможны»*, с. 51) описания терминов так, как их представляли эти мыслители. Недостаток объяснения, на мой взгляд, состоит в том, что философская мысль, которая втягивается в нашу, становится одновременной моей, вступая с нею в объяснения, в спор, в диалог. Рорти же все-равно реконструкции старых учений называет «анахронистскими» (с. 65), ибо, хотя «великие философы прошлого высказывали превосходные... идеи, но были “ограничены своим временем” и потому не могли их в полной мере развить» (с. 67). Правда, здесь характерны оговорки Рорти, разбросанные по всему тексту. Одна из таких оговорок касается «переопределения философии» (см., например, с. 70) в ключевые моменты смены философских смыслов. Правда, Рорти объяснения смягчает, считая подобные переопределения всего лишь в «несоответствии канону» (с. 71), правда, при этом не объясняя, что такое философский канон, по-видимому, относя к нему *необходимые, требующие обязательной постановки*, позволяющие философа именовать этим почетным титулом.

Третий жанр, который относится к истории духа (впрочем, термин *Geistesgeschichte* оставлен без перевода) относится к «специфике философского вопрошания и постановке проблем (почему такой-то философ рассматривает такую-то проблему как фундаментальную?..)» (с. 68). Объяснения этого жанра покоятся на признании Рорти необходимости понимания различия между историей философии и историей науки. Занимающихся историей философии он называет «коллегами по профессии».

Geistesgeschichte, по Рорти, - «нормативный жанр», «ответственный за наше представление о философии» (с. 76 - 77). Правда, утверждению нормативности мешает убеждение Рорти, что «история духа» «помогает осознать принципиальную незавершенность, промежуточность человеческого существования в мире» (с. 77).

Четвертый жанр – доксография – «самый распространенный и одновременно наиболее сомнительный» (с. 79). Это «жанр исследования, который позволяет историку “встроить” рассматриваемую им проблематику в определенный канон, или жн... “наложить” канон на проблематику, не относящуюся к канону. По мнению Рорти, Диоген Лаэртский «сослужил дурную службу доксографии, определив главной задачей истории мысли поиск ответа на вопросы типа “Что думал философ X о сущности блага?” в терминологии ранее принятого канона» (с. 81).

Чем интересен взгляд Рорти на доксографию? Тем, что он разрушает принятый взгляд на то, что вопросы, задаваемые нашими предшественниками и наши вопросы не тождественны, что «никакое вопрошание не является обязательным и не может распространяться на все размышляющее человечество» (с. 83), что нельзя тиражировать книги под названием «История философии», начинающиеся с досократиков и заканчивающиеся, к примеру, Витгенштейном, исключая кого-то, кто не соответствует определенной логике повествования, «исторический материал, - как он пишет, - сопротивляется подобной схематизации» (с. 88).

Рорти во избежание догматизации предлагает ввести термин «интеллектуальная история» «для обозначения более лабильного, богатого по фактуре и диффузного жанра, выпадающего из этой структурной триады», где философы не будут разнесены по тому или иному отделу знания (с. 95). Можно сослаться на наш журнал, изначально преследующий ту же цель, в котором отсутствуют общепринятые рубрики (онтология, эпистемология и пр.).

Книга адресована философам, культурологам, историкам, преподавателям, студентам и аспирантам.

Никольский С.А. Империя и культура. Философско-литературное осмысление Октября. – М.: ИФРАН, 2017. – 126 с.

В книге, задача которой стала «работа по преобразованию константы “империя”, признаки которой обнаруживаются автором и современном российском обществе (с. 110), С.А. Никольский объясняет употребление терминов «имперский характер» современного общества, «имперское сознание» необходимостью констатировать «исторический и наличный порядок вещей, причины появления которых лежат не только в субъективной сфере – воле правителей и народных масс. Напротив, личности и социальные группы, этот порядок санкционировавшие, его развитию способствовавшие или ему покоряющиеся, в своей целесообразной практической деятельности решают задачи оптимального приспособления себя, социума и государства к природным и общественным явлениям и процессам» (с. 5).

Книга состоит из Введения, пяти глав и Заключения. «Об империи в России», «“Константы” российского бытия и Октябрь», «Люди накануне революции и в ней. Антон Чехов, Евгений Замятин, Борис Пильняк, Александр Блок», «Философско-литературные фантазии о будущем после Октября. Евгений Замятин, Александр

Богданов, Андрей Платонов», «Жизнь после революции. Андрей Платонов, Осип Мандельштам, Владимир Маяковский, Анна Ахматова» - темы книги.

Перечисляя вопросы, стоявшие перед российским обществом (нежелание государя в XIX в. конституционного ограничения власти, медленное развитие народного капитализма и пр., - в перечень входят и вопросы, отражающие не проблемы общества, о реакцию на их решение, например, достаточно ли в стране крестьянских бунтов, нужна ли кровь монарха, не затратна ли власть в форме сталинизма – с. 118), автор отмечает общее всех перечисленных им вопросов – «ни один не разрешен до конца... и потому результат – каша в головах, причем на всех уровнях» (там же).

«Общим делом сегодня, - по мнению автора, - является развитие человека», которого он определяет как «человека культурного». Формулирование этой цели должно происходить в контексте современных реалий. Автор полагает, что главная для общества цель «может быть поставлена лишь Президентом», хотя при этом оговаривается, что «она вряд ли не пойдет вразрез с интересами кого-то». Под «кем-то» автор подразумевает «"ближний круг", прибыльно работающий в матричной части "самодержавия" и "власти - собственности"» (с. 115). Почему не учитывается другой круг, неясно. При этом автор полагает, что «время, когда будет ясно, что терпение людей, лишенных собственности, задавленных центральным и местным самодержавием, иссякло», оно «будет временем, когда разумно и эволюционно уже ничего сделать нельзя» (там же).

Ясперс К. Введение в философию. Философская автобиография / пер. А.К. Судакова [Текст]. – М.: Канон+ РОИИ «Реабилитация», 2017. – 304 с.

Книга состоит из двух книг примерно равных объемов: «Введения в философию», представляющего собою запись цикла радиодокладов, где К.Ясперс вводит слушателя/читателя в проблематику своего философствования, и «Философской автобиографии», в которой показывается необходимость для философа оглядки, которую он называет «взглядом назад», во внутреннюю логику развития души и ума. «Введение» состоит из 12 глав: «Что такое философия?», «Истоки философии», «Объемлющее», «Идея Бога», «Безусловное требование», «Человек», «Мир», «Вера и просвещение», «История человечества», «Независимость философствующего человека», «Философский образ жизни», «История философии». «Философская автобиография» - из 13 глав: «Детство и юность», «Психопатология», «Психология мирозерцаний», «Риккерт», «Философия», «Эрнст Майер», «Университет», «Политическое мышление», «Философская логика», «Теология и философская вера», «Идея всемирной истории философии», «О моих произведениях в целом», «Старость».

Книга открывается волнующим всех вопросом, что такое философия. Прежде всего, на что обращает внимание Ясперс, «философия не имеет всеобщезначимых результатов... В то время как науки получили в своих областях убедительно достоверные и общепризнанные познания, философия, несмотря на тысячелетние старания, этого не достигла... То, что каждый признает в силу логически убедительных оснований, становится тем самым научным познанием и уже не есть философия, но относится к некоторой особенной области познаваемого » (с. 8). Философия не обладает характером прогрессивности. Достоверность философии – удостоверение

человека в том, в чем имеет право голоса все его существо (там же). Философия, по Ясперсу, - «это то концентрирующее, благодаря чему человек становится самим собой, делаясь причастным действительности» (с. 13).

Ясперс различает начало и исток. Начало – исторично, оно приносит множество предпосылок будущим поколениям. Исток – то, из чего «происходит побуждение к философствованию» (с. 16). Понятием, важным для Ясперса, является понятие «объемлющее». Оно объемлет расколотое на субъект и объект бытие. «Все, что становится для меня предметом, подступает ко мне из объемлющего, а я, как субъект, выступаю из него... Оно само остается фоном» (с. 27).

Темами «Введения» являются также размышления о Боге в напряжении между религиозной верой и философской. Религиозная вера означает жизнь, не опираясь на исчислимое знание, а с риском «жить благодаря вере в то, что Бог есть» (с. 45). Философская вера «не приносит надежности знания, но доставляет подлинному самобытию свободное пространство для решения» (с. 46). Это «вера в путь истины, на которой могут встретиться все добросовестно ведущие исследования» (с.260). В философской вере Ясперс видит смысл образования.

Философия, «не являясь наукой в смысле доказательного и всеобщезначимого знания», относится – как философская логика со своим способом поиска путей для постижения истины - к «безусловной истине, в сознании которой возможная экзистенция обретает свою историческую действительность... философскую истину можно косвенно сообщать только в движениях мысли, и она не может быть адекватно уловлена ни в каком положении» (с. 245).

В «Философской автобиографии» Ясперс дает также ответы на вопросы о том, что заставило его, психиатра по профессии, обратиться к философии и почему он отдавал много внимания исследованию политических проблем.

Флавий Филострат. Жизни софистов/ Под общим руководством Е.Г.Рабинович. – М: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. – 536 с. с илл.

Как пишут создатели этой книги, это «один из четырех дошедших до нас сборников древнегреческих биографий, до сих пор издававшихся по-русски только в отрывках». Флавий Филострат – знаменитейший представитель литературной семьи Филостратов, который оставил собрание софистической прозы II – III вв. н.э. Предупреждение о «Жизнях софистов» принадлежит Е.Г.Рабинович, представившей Филострата как инсайдера, что «в известном смысле... было новостью, так как прежде биографами-инсайдерами бывали только философы» (с. 17). О рукописях, изданиях и переводах подробный рассказ А.А. Ветушко-Ковалевич. «Жизни софистов» представлены в сопровождении греческого текста, сопровождаемые Кратким глоссарием риторической номенклатуры, интереснейшими статьями Е.Г.Рабинович «Филостраты, сколько их ни есть» и Флавий Филострат и его софисты», списком сокращений, библиографией и аннотированным указателем имен и географических названий.